

ЮЛИЯ БЕЛОМЛИНСКАЯ

*Бедная девушка,
или
Яблоко, курица, Пушкин*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б43

Беломлинская Ю.

Б43 Бедная девушка, или Яблоко, курица, Пушкин : [роман] / Юлия Беломлинская. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 399 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-517-02834-1

В книге «Бедная девушка, или Яблоко, курица, Пушкин» Ю. М. Беломлинская рассказывает о тринадцати годах, проведенных в Америке: о своей работе в одном из самых знаменитых садомазохистских клубов Манхэттена, о дружбе с художниками и поэтами Питера, Москвы, Парижа и Нью-Йорка, а также о многом, многом другом. В книге сохранена авторская орфография, поскольку текст представляет собой монолог автора, в котором сам автор и его герои говорят так, как им, представителям артистической богемы, свойственно говорить, то есть с активным использованием сленга, просторечий и ненормативной лексики. Часто используемое автором разговорное «вообще» — должно писаться именно так, а не иначе.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02834-1

© Беломлинская Ю. М., 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

Бедным девушкам и русским поэтам...

Добрым покупателям!

*(Эта чудная фраза когда-то, в семидесятые,
была напечатана на пластиковых бутылочках
с вьетнамским соевым соусом.)*

Добрый покупатель, любезный читатель, прими без огорчения бедность языка и примитивность литературного стиля этой книги. Эта *прикладная* (в том смысле, что, в отличие от абстрактной, ее сразу можно брать и прикладывать к собственной жизни) философия, переложенная, как шоколад орехами, интимными приключениями главной героини, поможет тебе по-новому взглянуть на собственную жизнь и независимо от твоего пола, возраста и социального положения обнаружить, что жизнь твоя протекает плавно и хорошо. Кроме того, ты можешь быть уверен не только в подлинности всех событий, имен, фамилий и географических мест, упоминаемых в этой книге, но и в том, что каждое утверждение автора, безусловно, является истиной в последней инстанции — абсолютной и неделимой. Это — свойство прикладной философии, которую не сочиняют в тиши кабинета, но проживают то в королевском дворце, то во Дворе обедков. На Мерсерстрит, на Большой Конюшенной, на улице Пигаль...

Знание того, что в Париже, Нью-Йорке и Санкт-Петербурге ширина койки в камере предварительного заключения абсолютно одинакова, наводит на философские размышления о единстве мира и братстве человечества. Но приобрести такое знание возможно лишь

только *собственной* спиной. Я избавляю тебя, Добрый покупатель, от необходимости самолично кочевать по миру, встречаясь то с сумой, то с тюрьмой, и радостно поделюсь с тобой накопленным опытом.

Я также хочу поблагодарить Вадима Назарова и Павла Крусанова, не обманувшихся моей молодостью и предоставивших мне возможность донести до мира глубочайшее знание жизни и правильное понимание действительности, которыми я овладела в совершенстве, плывя одинокой беленькой парусиной в тумане грозного житейского моря.

Бедная девушка Юля Беломлинская

Часть первая ЯЩИК ПАНДОРЫ

...Как яблоко или облако,
Новости и борода,
Америка — ненадолго,
Не навсегда...

Володя Друк

...Будут девками ваши дочери
И поэтами сыновья...

Марина Цветаева

О ПЛАВАЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

Я приходила к нему два раза в неделю. Мы немножко курили (без этого он давно уже не мог сотворять любовь), потом ложились в постель, и это было удивительно хорошо: я чувствовала, что внутри у меня Питер, все его шпили и адмиралтейская игла, все его камни и кони на Аничковом, все его голуби (ну вот же их голос: полу-клекот — полу-стон) и все подворотни.

Потому что Ярмола — это Ярмола, он — свой, он был с Хвостом в Салихарде и в эфедрине, он был с Курехиным в начале «Поп-механики», от него пахнет Питером: корюшкой, плесенью и болотом, ну как же такого его не любить?

И когда он со мной, то я КАК БУДТО снова дома. Тут нужно много этих КАК БУДТО.

Вот моя работа: маленькая студия на углу Восьмой и Тридцатой, американская девушка — хозяйка, мы с Ирккой и четверо грузин, сбежавших от гражданской войны, брат и сестра и еще брат и сестра, все из тбилисской Академии Художеств.

Ирка из Мухи, еще по Питеру моя любимая подруга (я ее сюда и выдернула), а я после Театрального, с постановочного факультета. Все мы называемся гордо «Художник-дизайнер тканей» и рисуем в основном абстракции для дорогих мужских рубашек. Это легкая и приятная работа, и нам с Иркой кажется, что мы КАК БУДТО в мастерской в Мухе, или в Театральном, или в Академии: шесть столов, диван, кактус, кофеварка, по пятницам мы пьем и грузины пьют. Хозяйка дала нам всем ключи, и мы работаем, когда нам удобно, а она с 9-ти и до 5-ти — в это время работают клиенты-заказчики. Как будто...

Но дружить с грузинами не выходит — они слишком вписались в этот новый мир, говорят все время о деньгах или о том, что увидели в телевизоре. Ну и о еде, конечно, это уж обязательно. Хозяйка с ними дружит и почти всю работу отдает им, а нам — остатки. Ну, как-то концы с концами сводить удастся.

Мы с Иркой говорим по-прежнему только о любви и о книжках, а книжки мы себе выписываем по почте (как положено провинциальным барышням из старинной России, из той, предыдущей, Дореволюции), выписываем на двоих и по очереди читаем. КАК БУДТО мы дома, на Петроградской. Я — на Ораниенбаумской, а она — за углом, на Гатчинской. Утром мы просыпались и созванивались: у кого будем кофе пить? Счастье ненормированного рабочего дня...

Она меня и провожала. Все, что угодно, я могла предположить, уезжая в Америку «навсегда», но только не продолжение этих безумных кофе-епитий тут, в Нью-Йорке.